

Получить рекомендательное письмо в те годы было делом непростым. В умах людей всё ещё крепко сидело правило: без крайней нужды в город соваться нечего, негоже обременять государство. Да и устои того времени были строги — крестьянина старались удержать на земле, не позволяя сельским жителям безцельно скитаться по городам. Без официальной бумаги тебя не пустили бы на порог ни в одну гостиницу, а без талонов нельзя было купить даже корки хлеба. Эти два засова намертво запирали деревенского человека в его родном краю.

Так что клочок бумаги, весивший не больше перышка, на деле оказывался тяжелее чугуна. Без него — никуда. Даже билет на поезд не купить, ведь железная дорога — ресурс общественный, абы кого туда не пустят. Но для Гоуданя получить справку труда не составляло. Парень он местный, к тому же грамотный, без пяти минут выпускник средней школы. В деревне только слепой не замечал, что дела у семейства Ли Сы пошли в гору. Дело дошло до того, что на днях к отцу даже сватов заслать пытались — завидный стал жених.

Сельский староста — хоть и самый мелкий винтик в государственной машине, даже до звания полноценного кадра не дотягивающий, — на своем веку повидал всякое. И если такой человек захочет вставить палки в колеса, жизнь покажется несладкой. Заартачится, не подпишет бумагу — и поминай как звали.

Не зря в народе говорят: «Малый чин вредит пуще большого». Высокое начальство далеко, у него дела государственного масштаба, до простого люда ему дела нет. А вот местечковый самодур бьет наотмашь по живому, подрывая веру в справедливость. В родных краях староста казался фигурой куда более грозной и могущественной, чем любой министр в столице. Именно от его воли зависело благополучие каждого двора. И если Гоудань задумал отправиться в дальние края, миновать эту инстанцию он никак не мог.

К счастью, старый староста души не чаял в Гоудане, так что чинить препятствий не стал. Парень и раньше частенько выручал его: привозил из уездного города разные мелочи по его просьбе. Сам председатель выбирался туда нечасто — как и большинство односельчан, он годами не покидал пределов родной коммуны.

Выслушав просьбу, старик размашисто черкнул подпись. О делах в Южных регионах до деревни доходили лишь смутные слухи, и то, что местный малый решил посмотреть на мир своими глазами, он счел делом благородным. И всё же, затягиваясь самокруткой, старик покачал головой и напутствовал парня со всей искренностью:

— Слышал я от шоферов-дальнобойщиков, дескать, на дорогах нынче беспокойно. Шалют лихие люди, грабят проезжих средь бела дня. Совсем страх потеряли, поговаривают, дело и до мокрухи доходило.

Сквозь сизый табачный дым проступили глубокие морщины на его лице. Беспокойство старосты было неподдельным.

— Эх... Раньше-то разбойники на трактах объявлялись только в голодные годы, когда люд терял кров и шел на смертный грех от безысходности. Сейчас живем небогато, но всё же сыты, обуты. А поди ж ты, как быстро черствеют человеческие души.

— Мы об этом тоже слышали, дедушка, — успокоил его Гоудань. — Но мы едем не одни, а с надежными людьми. Сами-то мы птицы мелкие, а случись что — старшие во всем разберутся.

В те годы страна лишь начинала осторожно разворачиваться в сторону экономических реформ. В умах большинства по-прежнему незыблемым идеалом оставалась «железная чашка риса» — гарантированная государственная служба. Лишь самые отчаянные, припертые к стене нуждой или ведомые жаждой наживы, решались сделать шаг в неизвестность. Раньше за такое карали беспощадно, но велика была сила соблазна. Десятилетия жестких рамок приучили людей к осторожности, общественное сознание менялось неохотно. И всё же первые трещины в монолите уже наметились. Стоило стронуться одному кирпичику — и лавина перемен грозила захлестнуть всю страну.

Банды грабителей, разросшиеся на дорогах, имели своих соглядатаев, склады с припасами и укрытия во всех окрестных деревнях. Но государство не собиралось вечно смотреть на это сквозь пальцы. Рано или поздно грянет буря, и мало кому из лесных братьев удастся уцелеть. Разве может власть, замахнувшаяся на великие свершения, терпеть под боком такую заразу? Присосавшиеся к телу страны паразиты жизни не лишат, но кровь попортят знатно. Пришло время стряхнуть их раз и навсегда.

Обо всем этом ребята краем уха слышали от Лю Юаня. О делах службы он с ними, конечно, не откровенничал, но когда парни прибегали к нему с вопросами о прочитанном в газетах, он не отказывался растолковать сложные вещи простыми словами.

Именно из-за дорожного разгула Лю Юань пристроил Ван Сюаня и Гоуданя к официальной делегации, отправлявшейся в Южные регионы с инспекцией. Ехать дикарями было безумием. Впрочем, опекать их бесконечно никто не собирался — у делегатов были свои важные задачи, так что на месте парням предстояло выгребать самостоятельно. Вот тут-то и пригодятся старостины сопроводительные листы, без которых не пустят ни в одну ночлежку. Кроме того, Лю Юань помог им обменять местные продовольственные талоны на всесоюзные, принимавшиеся по всей стране.

Хотя с момента провозглашения политики реформ прошло всего несколько лет и некоторые виды распределительных карточек понемногу отменялись, талоны на зерновые и основные продукты всё ещё оставались в ходу. Отправиться в путь без них означало обречь себя на верную голодную смерть.

Уходя, Гоудань попросил старосту помалкивать об их поездке. Старик понимающе прищурился, мол, не первый день на свете живу, и махнул рукой, отправляя парня восвояси.

Отцу, Ли Сы, Гоудань объяснил всё без лишних подробностей: едет, мол, с боевыми товарищами их благодетеля посмотреть страну, будет держаться поближе к старшим и в пекло

не полезет. Ли Сы тут же засуетился, снял со стропил бережно хранившуюся вяленую крольчатину, завернул в чистую холстину и протянул сыну:

— Возьми, сынок. Как в город приедете, передай старшим от нашего дома. Люди такое дело для вас делают, нельзя с пустыми руками заявляться, не по-людски это. Изба наша небогата, да вот гостинец этот — от чистого сердца.

Ли Сы искренне переживал. Ему так хотелось отблагодарить людей за заботу о сыне, но деревенский быт не баловал роскошью. Что бы он ни предлагал, всё казалось слишком мелким, недостойным такой великой милости. Эта неловкость камнем лежала у него на душе.

— Погоди, никак это Даню идет? — Гоудань, смывавший дорожную пыль у ручья после работы в поле, приподнялся и приложил ладонь ко лбу.

По шаткому деревянному мостику шла молодая женщина. За спиной у нее в лоскутной перевязи спал младенец, а на согнутом локте висел засаленный узелок с пожитками.

Ван Сюань тоже поднял глаза.

— Она самая. До чего же изменилась... — тихо проговорил он.

Даню выглядела так, словно на ее плечи лег десяток лишних лет, хотя на деле девчонке едва исполнилось девятнадцать.

— Даню! В гости к матери приехала? — окликнул ее Ван Сюань.

Женщина вздрогнула и остановилась. Она скользнула по ребятам затравленным взглядом, неловко кивнула и, не проронив ни слова, поспешно засемила по тропинке, кутаясь в поношенный платок.

— Что это с ней? — нахмурился Гоудань. — Она и раньше-то была не из болтливых, но чтобы так, без здрасти-до свидания...

— У нее на скуле синяк... — Ван Сюань нахмурился еще сильнее. — Похоже, муж руку приложил, вот она и сбежала к родителям.

Они знали, что Даню выдали замуж совсем девчонкой. Когда-то ее семья жила по соседству с дядей Чэнь А-да, и Ван Сюань часто видел, как эта худенькая, заморенная девчушка таскала на закорках младшего брата и ковырялась в земле, собирая дикий лук. Иногда они перекидывались парой слов. Потом Ван Сюань перебрался к Гоуданю, пути их разошлись, да и

не пристало взрослеющим парню и девушке водиться вместе. Так она и пропала из виду.

Подошедшая к ним Цихуэй вздохнула и покачала головой:

— Избили ее, к гадалке не ходи. Свекры у нее — сущие звери, житья девке не дают. Прошлым летом так отделали, едва откачали.

— Откуда такие подробности? — удивился Гоудань.

Цихуэй, младшая сестренка их приятеля Цичжи, только-только пошла в первый класс средней школы. Сегодня их семьи пололи соседние межи, и в деревню они возвращались вместе.

— Да об этом вся округа гудит! — фыркнула девчонка, задрав нос. — Мать у нее — ведьма бесчувственная. Даню едва пятнадцать исполнилось, а та ее уже со двора сжила — сосватала за племянника из своей родной деревни. Девчушка еще оформиться не успела, кожа да кости, а ее под венец. У них в семье девок за людей не считают, только сыновей холят. Вот Даню и пахала как лошадь. А самое паршивое, что мать ее души не чает в своей родне. Даню два года родить не могла, так свекровь — родная тетка ее матери, между прочим! — со свету ее сживала. Ну и муженек от нее не отставал, кулаками махал почем зря. Чуть до могилы не довели. Хорошо, одна баба из наших, что в ту же деревню замуж вышла, сжалилась и весточку родителям передала. Мать ее, конечно, поорала для виду, на невестку пообижалась, да дальше порога носа не сунула — побоялась с родней ссориться. Родная мать, а заступиться поленилась! Младший брат Даню, Чжумао, парень горячий, терпеть не стал. Поехал к зятю и разукрасил ему физиономию. Да только на чужом поле не воюют — у тех родни полдеревни, они Чжумао толпой и отделали. Мать потом белугой ревела, а Даню проклинала на чем свет стоит. «Из-за тебя, — кричит, — сына покалечили, знать тебя больше не желаю, девка ты проклятая!» Ну скажите, при чем тут Даню? Из-за этой драки семьи разругались вдрызг, мать теперь с братом знаться не хочет. Родня с обеих сторон на ножах, а отыгрываются на ком? Правильно, на бедной Даню. Ей теперь там и вовсе житья не стало.

Цихуэй строчила как из пулемета. Сразу видно — родная сестра Цичжи, яблочко от яблони. Оба глазастые, языкастые, любую деревенскую сплетню разложат по полочкам так, что заслушаешься.

— Звери они, а не люди, — продолжала возмущаться девчонка. — Мать Даню перед своими братьями на цыпочках ходила, всё лучшее им отдавала, а они ее единственную дочку в грязь втоптали. Даню ведь им кровная племянница! Как можно было так с родной кровью поступить? Да и сама она хороша — слишком мягкотелая. Нам же в школе талдычат: женщина — это половина неба! Себя уважать надо, а не позволять всякой швали об себя ноги вытирать. Если бы меня муж хоть раз пальцем тронул, ух я бы ему устроила... До гробовой доски бы каялся!

— Ишь ты, два дня в школе проучилась, а туда же — «половина неба», — без злобы усмехнулся Гоудань.

За разговорами тяжелая тема сошла на нет. Мало ли в деревнях чужого горя? Парни

понимали: они тут люди сторонние, помочь ничем не могут. Да и кто знает, может, сама Даню считала свою долю привычной и неизбежной. Оставалось лишь повздыхать, мысленно обругать бессердечную мамашу да помянуть недобрым словом ее зятка со свекровью. На том и разошлись — чужая семья потемки, со своим уставом туда не сунешься.

В день отъезда Ван Сюань и Гоудань выглядели скромно. У каждого через плечо висела простая брезентовая сумка с единственной сменой белья. Говорили, что в Южных регионах круглый год стоит удушливая, липкая жара, но парням, не выезжавшим дальше уезда, верилось в это с трудом. В руках они держали узелки с нехитрой дорожной провизией да тяжелые армейские фляги, до краев наполненные остуженным кипятком.

Лю Юань лично пришел проводить ребят. Он переговорил со старшим группы, попросив приглядеть за молодежью в пути.

Парни вежливо поздоровались с членами делегации. Те отнеслись к новоприбывшим благожелательно. Лю Юань представил ребят как своих племянников, особо подчеркнув, что обузой они не станут: все расходы на билеты и пропитание они берут на себя, им нужно лишь держаться общей группы.

Ван Сюаню и Гоуданю выделили места в самом хвосте автобуса. Путь предстоял неблизкий: сначала нужно было добраться до провинциальной столицы, а уже там пересестись на поезд, идущий в Южные регионы. В этом и заключалась главная прелесть поездки с официальной группой — пусть платишь из своего кармана, зато заветные билеты на поезд тебе гарантированы без всякой многочасовой давки у касс.

Особого внимания к себе ребята не привлекали, да и не стремились к этому. Примостившись в уголке, они тихонько переговаривались или просто прислушивались к разговорам попутчиков. Состав инспекционной группы подобрался пестрый: здесь были и партийные кадры, и агрономы, и инженеры с крупных заводов. Даже из их случайных реплик и споров можно было узнать столько, сколько не вычитаешь ни в одном учебнике.

В провинциальном центре задерживаться не стали — график у делегации был жесткий, расписанный по минутам. Парни лишь замороженно прильнули к стеклам автобуса. Столичный город провинции оглушал своим размахом, заставляя позабыть об их захолустном уезде. По широким асфальтированными улицам то и дело шныряли легковые автомобили, прохожие щеголяли в добротных, отутюженных костюмах, а в их походках и лицах читалась сытая, уверенная неспешность городских жителей.